

ИВАН ЛЕОНОВ

STATUS

Иван ЛЕОНОВ

STATUS

«Издательские решения»

Леонов И.

STATUS / И. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854618-1

Данная книга — это художественная попытка обрисовать образ будущего, наступление которого мы можем увидеть уже в ближайшие годы. Принимая во внимание актуальные социальные и технологические тренды, а также грядущие вызовы, мы постепенно подходим к тому, что разрешением многих накопившихся проблем и противоречий может стать приход нового общественного строя, где деньги перестанут быть всеобщим мерилom, а универсальной ценностью для каждого станет совокупность его заслуг перед другими — рейтинг.

ISBN 978-5-44-854618-1

© Леонов И.
© Издательские решения

STATUS

Иван Леонов

© Иван Леонов, 2017

ISBN 978-5-4485-4618-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Представим себе, что вторая революция (промышленная) завершена. Тогда средний человек со средними или ещё меньшими способностями не сможет предложить для продажи ничего, за что стоило бы платить деньги. Выход один – построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи. Для строительства такого общества потребуется большая подготовка и большая борьба, которая при благоприятных обстоятельствах может вестись в идейной плоскости, а в противном случае – кто знает как?

Норберт Винер

Есть для меня что-то неизменно притягательное в уютном одиночестве, которое окутывает меня тихими воскресными утрами посреди опустевшего города. Я люблю одиночество, я всегда его ищу, и, пожалуй, это одно из тех стремлений, которые меня определяют. Я выхожу на улицу, чтобы побыть с Сити один на один, без будничной суеты и толп озлобленных невращеников, вечно торопящихся, чтобы что-то успеть. И молчаливо задаю всему, что вижу, интересующие меня вопросы в надежде найти ответ, и только отрешённость и тишина – мои единственные помощники в этих поисках.

Проходя мимо знакомых витрин магазинов и ещё сонных террас летних кафе, мысленно возвращаюсь в тот момент много лет назад, когда в одном из кафе меня в очередной раз спросили, имеется ли у меня дисконтная карта. И вот в тот момент, глядя на горы пластика в своём портмоне, я задумался: что, если бы можно было иметь свои персональные данные, любые, от паспортных данных, номера почты, телефона до свидетельства о браке, собственности, истории болезни, в конце концов, где-нибудь в «облаке»? Что, если бы доступ к этим данным и идентификация моей личности могли бы происходить, например, по касанию моего пальца и введению кода? Мы бы, наверное, не заполняли никаких анкет, да и в лишней бумаге отпала бы необходимость. Не носили бы с собой огромного количества бумажных документов, карточек, ключей и прочих безделушек. Ведь многие привычные нам материальные вещи на самом деле лишь электронный код. Например, какая-нибудь карта лояльности, медицинская страховка и прочее – это строчки программного кода в специализированных системах. Но если вы хотите скидку – предъявите скидочную карту, обслуживание в поликлинике – страховку. Как будто, чтобы каждый раз открыть замок, нам нужен ключик, но ключик – это

некая вещь, которую надо таскать с собой. А что, если ключик тоже сделать электронным? Я бы хотел предоставлять интересные сведения из одной «большой кучки», одного массива моих данных, причём чтобы это было мгновенно. До недавнего времени не было никакого единого унифицированного хранилища персональных данных, но кто сказал, что в цифровом веке это должно продолжаться? Например, почему мы должны вручную дублировать информацию о самих себе бесчисленное множество раз? Ведь предоставление всей необходимой информации можно свести к паре простейших действий – достаточно подтвердить, что вы – это вы и никто другой.

Конечно, эта идея не нова и совершенно банальна. Но я думал, что может последовать за этим, о следующем шаге. О том, как в принципе нам часто приходится называться, кто мы такие, «презентовать» себя. Не просто вводить логины и пароли, заполнять анкеты, предъявлять паспорт, оформлять документы и прочее, но давать людям понять, каковы наши увлечения и интересы, наше положение в обществе, наши возможности, наш статус, можно ли нам доверять и т. д. Потому что для построения отношений между людьми последнее куда важнее, чем просто набор некоторых персональных данных по типу строчки в резюме.

И что бы ни делал человек в современном мире: перемещался с места на место, запрашивал что-нибудь в поисковике, покупал что-нибудь, участвовал в том или ином мероприятии, он, так или иначе, оставляет свой электронный след. Вся его геолокация с check-in'ами, электронные транзакции при покупках, посты в социальных сетях, количество подписчиков и лайков, – всё это и многое другое можно отследить и систематизировать. И так мы получим некоторую «цифровую тень» реальной личности, или её контент. Называйте, как хотите. Эти сведения вы никогда не будете собирать о себе сами, чтобы в виде какой-нибудь стопки справок кому-нибудь принести, это работа для компьютеров, чьи мощности позволяют это автоматизировать.

А глядя на толпы неврастеников вокруг, страдающих от информационного переизбытка со всеми вытекающими отсюда последствиями, я понимал: нужно что-то, что работает автоматически, без излишнего вовлечения внимания. Так, как теперь это и делает STATUS.

Кое-что прерывает ход моей мысли. Я смотрю на милейшее создание в белом платье, сидящее на веранде того самого кафе. Первое, что бросается в глаза, – её выцветшие от солнечного света кудрявые волосы, собранные в хвостик. Затем плечи, прямые, слегка угловатые и худощавые, но по-своему изящные. В своих ручках, на которых слегка проглядывается синева выступающих вен, она держит, нет, не книжку, а, как уже давно водится, смартфон, скорее всего, небрежно перелистывая что-то в социальных сетях. Её юное лицо с большими глазами, пухлые губки – эти ворота в Эдем, которые она время от времени сжимает, чтобы увлажнить. Её длинные, стройные, спортивные ножки, которые она небрежно вытянула вперёд, закинув одну на другую, подсказывают моему внутреннему зверю, что нужно делать.

В этот момент я ощущаю приятную слабость в теле, сердце забилось чаще, ноги налились тяжестью. Природа таким образом сама заставляет меня остановиться и готовит для решительного броска на потенциальную жертву. Да какая там любовь с первого взгляда?! Она просто непринуждённо расставила свои сети, а я попался, захотел это прелестное создание: заключить в свои объятия и слиться, узнать «поглубже», отыграв во все дыхательно-пахательные. Ах, как хочется, чтобы её взгляд хотя бы некоторое время исходил откуда-то... снизу. Она кажется совсем юной и неопытной, и даже если это не так, то я представляю, что будет дальше: в эти моменты насилие выглядит таким привлекательным, необходимым, правильным...

Она знает себе цену, и, в общем, как бы вы ни старались, в знакомствах с подобными особами всегда должна быть толика везения. Надо не просто понравиться: с развитием про-

гресса появилось ещё одно замечательное *но*. Сажусь на стул рядом с ней и, не говоря ни слова, просто смотрю ей в глаза, пока она не выдерживает первой:

– Что?! – у неё немного низкий, но весьма эротичный голос.

– Привет, отлично выглядишь, – спокойно начинаю я.

Она слегка закинула голову назад и закатила глаза, затем сделала глубокий вдох. В воздухе ощутилось набившее оскомину стойкое: «О боже мой, опять, блин! Ты кто, нахрен, такой? Стоишь тут, простачок, не пойми как одетый. Какого, спрашивается, черта я должна тратить время на разговоры с тобой?» Это вполне типичная реакция молоденькой девочки, совершенно избалованной постоянным мужским вниманием, демонстрирующей одновременно и недовольство, и собственное превосходство, и усталость от разговоров, подобных предстоящему, по результатам которого она, скорее всего, отошьёт очередного строптивного самца, который недостоин её, королевы. Знаете, в этот момент я представляю, как бы отреагировала настоящая королева – Испании, Нидерландов или, например, Монако. И почему-то мне кажется, что проще, значительно проще. Она продолжает молчать. А я смотрю в её глаза редчайшего жёлтого цвета.

– Ладно, приложи пальчик вот сюда... – она протянула мне свой смартфон, держа его на вытянутой руке.

– Я могу отказаться?

– У-у-у, всё с вами ясно... – многозначительно произнесла она, как будто и действительно всё ясно.

– На, держи, – протягиваю ей свой палец, чтобы приложить его к смартфону. – Что бы ты делала, красавица, без этой штучки?

– Да целыми толпами меня осаждают, а по факту большинство «серенькие». Это пустая трата времени... Ого! Кристально белый! А с виду и не скажешь, – она с удивлением смотрит на меня оценивающим взглядом: а на мне ни хрена особенного, кроме кед, джинсов и худи. Но её величество и мой статус достойны друг друга, неприступность тает, и снисходительный тон меняется на неподдельный интерес, мол, что за мудака такой, в таком виде, да ещё и с кристальным статусом, тут делает?

Приложение для знакомств, которое интегрировано в STATUS, оценивает вас в соответствии с заданными параметрами. Но я не думаю, что у моей собеседницы в приоритете учёная степень или другие возможные критерии, вполне очевидно, что ей нравятся ребята с деньгами. Так что, если вы хотите оценить, сколько у меня денег, нужно всего лишь поставить галочку в нужной графе приложения. STATUS знает, в частности, оборот банковских счетов, какие вещи я покупаю, мою налоговую декларацию. Он не сообщит постороннему человеку конкретную сумму, зато даст оценку. Да, деньги – это важно. Проблема в том, что важность денег многие усваивают раньше остальных важностей. Ну и хрен с ним. Не нужно никаких социальных сетей с понтовыми фотографиями, не нужно никаких догадок и наводящих вопросов «вокруг да около» – ведь STATUS расставляет всё по своим местам. Упрощая тем самым выяснение стоимости и потребительских качеств товара, то есть меня. Закон экономии времени в силе – экономисты могут спать спокойно.

Я аккуратно и нарочито нагло кладу её ноги на свои колени и провожу рукой по её гладким, словно шёлк, голеням. Чувствую себя бесперомонным юзером, который только что получил доступ к VIP-контенту и собирается сполна взять причитающееся. А в этот момент она выпрямляет спинку и вытягивает носочки в струнку, но эти движения выглядят заученными.

– Нефига ты дерзкий! – ириво реагирует она.

– Балет?

– И догадливый.

Выдерживаю небольшую паузу:

– Вот ты и нашла, что искала.

– Ну, это мы ещё посмо-о-о-трим... – протягивает она, закатывая глаза и изображая многозначительность. Тем самым мне предлагается что-то «изобразить».

Откидываюсь на спинку стула и продолжаю:

– Я тут собираюсь вечером в одно место, составишь мне компанию?

– Куда?

– В «Небеса».

– А нас пустят туда? – она оживляется ещё больше.

– С шампанским и фейерверками.

– А что мы там будем делать?

– Как что? Я буду тебя угощать, мы будем наслаждаться вечером, ты будешь изображать из себя непорочное создание, смеяться над моими шутками и время от времени небрежно поправлять свои волосы, дабы я думал, что неотразим.

– А я о чём буду думать?

– То-о-о-о-лько о приятном. Так как тебя зовут?

– Яна.

– Ортон. Очень приятно, – как видите, именами нынче интересуются в последнюю очередь.

«Небеса» – это первое место в городе, где вход стал осуществляться только через STATUS. Хозяин заведения пожелал, чтобы каждый известный и достойный в его понимании житель или гость города обязательно посетил это место. Поэтому, как только какой-нибудь богатый и знаменитый политик, бизнесмен, спортсмен, артист или иной представитель богемы попадает в город, мы «засаекаем» его и он получает приглашение. Так, известность, популярность и богатство, оцениваемые через STATUS, становятся пропуском. На 70-м этаже с видом на кажущийся бескрайним мегаполис порой звучит такое количество языков и акцентов английского, которое можно услышать разве что на какой-нибудь ассамблее ООН.

А вот и он, вышколенный метрдотель, весь из себя: одет с иголки, с идеальной осанкой. Сразу узнаёт меня, подчёркнуто вежливо знакомится с моей спутницей и провожает нас на лучшее место. И вот мы сидим на открытой веранде, вальяжно раскинувшись. Она укрыла плечи пледом, прячась от вечерней прохлады. Перед нами панорама города: эти светящиеся улицы, пересекающиеся местами под прямым углом, покрывают город сеткой, превращая его в подобие шахматной доски, а кварталы со стремящимися ввысь небоскрёбами – в шахматные фигуры. Наблюдать город вот так очень приятно: вы словно уменьшаете зум на вашей камере, чтобы посмотреть на происходящее со стороны. В этот момент я радую свой тысячелетний инстинкт, призывающий меня озирать обширные окрестности вокруг себя в поисках еды или угроз. Да, тяга к пространству заложена в нас природой.

Откуда-то далеко снизу доносится едва слышный звук сирены то ли пожарной, то ли полицейской машины. И эта удалённость и изолированность от суеты города создают внутри меня какое-то особенное, обволакивающее теплом ощущение спокойствия. Я наслаждаюсь внешностью города, забыв про его непростой характер.

Внезапно Яна встаёт и подбегает к худощавому, среднего роста brunetu в кожаной куртке. Он замечает, что она идёт от меня, и приветствует, подняв ладонь вверх. Они фотографируются, обмениваются парой реплик, а он в своей дерзкой манере берёт её за руку и ведёт ко мне.

– Привет, – говорит он. – Ты потерял красавицу?

– Привет, Адам, – мы пожимаем руки. – Ага, они же вечно думают, что найдут лучше, чем я!

– На, держи, – он передаёт мне её руку, – не отпускай. Ещё увидимся! – Он уходит, а она с интересом смотрит ему вслед и, довольная, прыгает ко мне.

– Так вы знакомы?

– Давным-давно...

– Он мой любимый актёр.

– Проверила его STATUS?

– Белее, чем у тебя, вряд ли будет. С таким статусом все двери открыты...

– Сердечные, видимо, особенно...

– Но-но!

– Просто констатирую факт.

– Как ты вообще оказался в том кафе? Такие, как ты, туда не ходят.

– Просто мимо шёл. Ох уж эти ножки...

– И не только! Я стараюсь, – она снова выпрямляет ноги и смотрит на них, она их очень-очень любит. А я думаю, если бы ей предложили отпилить одну из них за состояние, то какую бы из них она отдала... первой?

– А ты всегда такой прямолинейный?

– Это, конечно же, не единственное моё достоинство, Яна.

– Ещё и скромный.

– Да кто бы говорил!

– Я бываю разной... – она произносит это с пространным взглядом, направленным в никуда, как будто перебирая в голове какие-то картинки из жизни.

– Спорт – это твоя работа? – интересуюсь я.

– Не, на хрен эти излишества. Надо себя беречь.

– Как же ты тешишь своё девичье тщеславие?

– Как и остальные: выкладываю селфи с оттопыренной попкой. Всячески показывая, типа я молодец и довольна этим миром, а своей радостью и оптимизмом вызывая зависть.

– На душе гуд, когда лайки идут...

– Конечно!

– Другие способы не пробовала?

– Не... Ну, если серьёзно, то мой отец возглавляет крупную лабу, которая занимается «лексами». Так что я решила продолжить семейную традицию.

– Вот это уже интересно.

– Да, всё просто. Люди хотят выглядеть молодо и привлекательно, а я хочу помогать им в этом.

– И что ты будешь делать, сестра милосердия? Уколы в попку колоть?

– Иди в задницу... – она тычет меня в бок. – Сам ведь наверняка юзаешь «лексы»!

– Как и все остальные здесь, – я развожу руками.

– Ну вот и скажи, зачем тебе это? Стараешься не отставать от других?

– Хочется быть молодым и думать, что всё впереди.

– Ну, у нас-то ещё всё впереди, – она улыбается мне, демонстрируя свои белоснежные зубки. – Мы ведь сразу друг другу подошли! Скажи, откуда у тебя такой STATUS? – Это главный вопрос вечера. В принципе, я могу не отвечать, и это ничего не изменит, но уж очень сильно ей хочется знать побольше о том, кто будет совать в неё член.

– Мне так нравится, как ты торопишь события... – я оттормаживаю натиск.

– Это ты торопишь. Спорим, ты уже представил, как мы остались наедине, ковбой?

Но боишься ответить на такой простой вопрос?

У меня чуть челюсть не отвисла от такого крутого поворота.

– А я смотрю, ты любительница лобовых атак.

– Неожиданных атак!

– Это как-то уже слишком для твоего возраста. Признаться, я офигел.
– Ты же не знаешь, сколько мне лет, Ортон. Может быть, я даже старше тебя. Не забывай, кто мой отец и чем занимается, – разговор становится многообещающе прямолинейным.

– А я-то думаю, где подвох...

– Так отчего такой STATUS? – её бровь игриво поднимается вверх.

– Думаю, от того, что STATUS меня так оценил, разве нет?

– Ты же понял вопрос. За какие «заслуги» он тебя так оценил?

– Да просто у меня богатый внутренний мир! Честное слово!

– Ой, блин... – она снова закатывает глаза. – Думаешь, очень оригинален? – она не успокоится, пока не получит ответ. Ей нужно знать... это как кодовое слово перед тем, как открыть ворота.

– У каждого STATUS, Яна, есть порядковый номер.

– И что?

– Мой номер – 1.

Она смотрит на меня удивлённо и выдерживает паузу, то ли обдумывая сказанное, то ли пытаюсь понять, как реагировать на это. Затем голосом задаёт в поиске «Ортон STATUS» и смотрит выдачу.

– Хм, значит, мы играем в твою игру?

– Нет, ну что ты... Все игры придумали до нас. Это всего лишь «примочка», которая позволяет мне быть, – делаю паузу, – очень скромным и ненавязчивым.

– Хорошо, когда так. – Она кладёт голову мне на плечо, а я – ладонь на её живот. Разговор тем самым постепенно переходит на язык тела, и нам уже совсем скоро пора будет бежать отсюда вдвоём.

– Скажи, Яна, а если парень тебе очень нравится внешне, а статус у него никакой, то что делать?

– Ему или мне?

– Тебе, Яна, тебе.

– Во френдзону его!

– А если прям сильно-сильно нравится?

– Мне много кто может понравиться. А уж я-то тем более всем нравлюсь. Но не хочу себя растрчивать, так что без вариантов.

– Ну не все же рождаются с серебряной ложкой во рту, – я внимательно смотрю на неё, пытаюсь уловить смущение на её лице.

– Действительно... – равнодушно отрезает она.

– А как же романтическая игра? Женщина должна позволить себе построить иллюзии и быть очарованной. Бла-бла-бла. Ну, что там ещё надо говорить?

– Мне нужен тот, кто способен обо мне позаботиться. Мир полон очаровательных нищеводов, и что с того? Влюбляться и мучиться с ними? Обоим только хуже...

– И не говори... Страшный сон просто!

– Вот-вот.

– Наверное, ты много обжигалась, – строю ироничную гримасу. – На поцелуи теперь тоже время не тратишь?

– А-ха-ха-ха, ну, на обнимашки и поцелуи я время всегда найду. Тут становится прохладно, – она определённо намекает мне, что я затынул. Аккуратно беру её ладонь и чувствую, как она сжимает мою.

Смотрю в смартфон. Через приложение я пытаюсь найти, какие номера или апартаменты доступны в этом здании. Мне интересен вариант с красивым интерьером. Когда я забронирую апартаменты, мне не нужно будет у кого-то получать ключи, я просто подойду к двери, введу код или приложу палец к считывателю. И не будет никакого неловкого стояния двух молодых

людей на ресепшен отеля. Мы не успеем опомниться, как окажемся одни. С белым STATUS доступны самые гедонистические варианты апартаментов. Так, вот эти – самое то! Один клик – и готово.

- Пойдём, я тебе кое-что покажу, – я встаю и протягиваю ей руку.
- Надеюсь, там тепло и можно снять плед?

Мы неторопливо проходим в комнату, держась за руки. Я бросаю на неё взгляд и вижу, как блестят её глаза. Едва закрыв дверь, обнимаю за талию и прижимаю к себе – сейчас я буду её «уничтожать».

- Какой ты... – шепчет она с нотками какого-то прямо театрального смущения.

Я молча прижимаю ещё сильнее, мы целуемся, а она вцепляется в мои плечи. Поднимаю на руки и несу в спальню, где прижимаю её к огромному панорамному стеклу. Наша одежда летит в разные стороны, пока мы окончательно не оказываемся нагие, прижатые друг к другу. На ней остаётся только самое нужное – туфли и серёжки. Какое упругое тело, какая нежная бархатистая кожа... Знаете что: так забавно, когда она ещё недавно была вся такая надменная, недоступная и «идинахуевая», а тут спустя всего-ничего ты хватаешь её крепко, и она начинает таять, становится мягкой, податливой и готовой к тому, что ей хорошенько напихают.

Чувствую, как она начинает впиваться в мою спину ногтями. Разворачиваю и наклоняю её, и вот сладкая растопыренная попка предстаёт передо мной: лучший вид с 69-го этажа прямо здесь, и я не в состоянии отделаться от чувства дежавю.

Она упёрлась руками в стекло, а я начинаю делать своё грязное дело очень резво, так, что спустя мгновение пот течёт с меня градом и капает ей на спину, она стонет, а в отражении стекла я вижу её искажённое лицо. Шлёпаю её по заднице и слышу лишь восторженное требование быть жёстче. Шепчу ей на ушко всякие грязности о том, кто она есть, а она отвечает грязностями мне в ответ. Чёрт подери! Как же я обожаю грязности! Порой мне кажется, что это самое настоящее и искреннее, что в нас есть. Держу её, как лев антилопу, а она кричит и еле-еле стоит на трясущихся ногах, будто акробат, ловящий баланс на канате под куполом цирка. В момент, когда я подхожу к самой грани, тяну её за волосы вниз...

– Оооооо-ххх! – вырывается животный звук изнутри меня, и я падаю как подкошенный на рядом стоящее кресло, а она подползает ко мне и начинает причмокивать, глядя мне в глаза. Я отчетливо читаю в её похотливом, слегка прищуренном взгляде: «Что? Нравится, мудака? Попался? Хочешь ещё, да?». Да, детка, продолжай, мне определенно нравится твоя программа лояльности.

Слюни, сопли, сперма, пот – бывают в жизни радости! Откуда мы всему этому научились? Оттуда... «The internet is for porn», – поётся в знаменитой песне. Ты! Да, ты! Ты возомнил (а), что ты самый грязный, извращённый и искушённый факер? Ты весь такой офигенный, сам себе нравишься, да? Представляешь себя со стороны, будто в кадре камеры, как ты задвигаешь тут тазом? Прямо как «лысый» из Brazzers или Пьер Вудман в лучшие времена? Да? Ну ты и придурок! Тебя всего лишь научили подражать, адрессировали. Для полноты ощущений после семяизвержения можешь представить, как парень с чёрной табличкой делает щелчок и говорит: «Снято».

Все эти нежные крепкие объятия с закинутой ножкой и долгие поцелуи – это, конечно же, очень миленько, но нынче душа даже самого хрупкого создания требует перехода к конкретному хардфаку. Поэтому, чтобы избежать её учтиво скрытого недовольства и имитации удовлетворения, есть один только выход – всегда жарить жёстко, будто долбишь железо в кузнице, так наверняка. Никого не нужно жалеть! А что поделать? В такие вот времена живём...

Мы перебираемся на кровать и валяемся, без слов, учащённо дыша и переваривая момент.

– Захватывающий вид... – немного запыхавшимся голосом произношу я.

– Ха-ха, ничего так, аж дыхание сбило! – её голова лежит на моей груди, она улыбается и смотрит мне в глаза.

– Ты умничка, – прижимаю её к себе.

– Ты тоже хорош. Устроил тут сперма-шоу! Чуть волосы мне не оторвал, гадина!

– Это я проверял, на будущее. А с первого взгляда такой непорочный ангелочек...

– Думал, что я буду бояться и пытаться убежать от тебя?

– Очень надеялся. Это бы добавило пикантности.

– Нравится портить маленьких девочек, да?

– Уничтожать.

– Ладно, мне надо идти, – внезапно выдает она и начинает вставать.

– Ты чего это, пупсик? Мы только начали...

– Продолжим в другой раз.

– Я только-только собрался побыть мистером очарование... – хватаю её за щиколотку и тяну к себе на животе через всю кровать, заползаю на неё сверху. – Зачем тебе куда-то идти?

– Мне надо домой.

– Что? Уже ждут?

– Да о чём ты?! – фальшиво удивляется она. – Завтра длинный сложный день... Ещё к съёмкам готовиться, я ведь моделью подрабатываю!

– Ммм... Какая необычная история, – ёрничаю я, мотая головой. – Ничего подобного раньше не слышал!

– Ты такой упрямый... Я никуда не пропаду. Мы обязательно скоро увидимся...

– От создателей «Спасибо за интервью, мы вам перезвоним»...

«Ага, – думаю я, – закинула удочку, блин, так, на всякий случай. Ты ж моя неустанная работница – строительница запасных аэродромов. Думаешь, ты такой офигенный, Ортон, что смог её заполучить? Вся твоя офигенность легко измеряется тем, насколько близко тебя могут поставить к началу очереди».

– Ну что тебе ещё надо? По головке погладить, сказку на ночь рассказать?

– С хеппи-эндом, пожалуйста.

Я хватаю её за талию и переворачиваю. Смотрю ей в лицо.

– Тс-с-с, – она прижимает указательный палец к моим губам, – разве нам не было сейчас хорошо? Не надо всё портить! – она говорит это легко, но не очень убедительно, с едва уловимым сожалением, а потом хватается сумочку и идёт в ванную комнату.

Просто откинься на шёлковую простыню и ни о чём не думай. Нам, мужикам, крайне неприятен момент, когда красавица одевается и уходит раньше, чем мы захотим: как бы ни был сладок плод, от этого остаётся неприятное послевкусие и ощущение прерванного полёта. И я становлюсь злым от этой незавершённости.

Жаль, а начало было таким многообещающим. Но причина её ухода крайне проста: она не получает от меня ничего особенного, секс для неё хоть и приятное, но рутинное дело, а произошедший половой акт – это что-то вроде метки территории, распространение своего влияния. Дело сделано, и можно сушить вёсла. Может, это просто моя догадка, которая приходит в голову, когда я смотрю на её ищущий чего-то «этакого» взгляд, но я не прочь эту догадку проверить. Я дам ей то, чего она хочет на самом деле, я буду беспощаден до конца. Точнее, не я, а мы.

Переходим к плану «Б» – «fuck to forget». Как там старый друг Адам? Пишу сообщение:

«Приходите к нам на бутерброды».

«Сколько ей лет? =)»

«Больше, чем нужно =)»

«Без меня начали?»

«Номер 5901. Прямо сейчас».

«Плохой полицейский выезжает».

Спустя пару минут дверь открывается, Адам неторопливо входит в комнату, держа в руках стакан виски, подходит к окну и, недолго постояв, садится в кресло напротив, оказавшись в тени. Он, как и я, как и многие другие посетители «Небес», наблюдал этот вид много раз.

– Вы одни? – он показывает пальцем на ванную комнату.

– Да. Она собирается на выход.

– О да... Как там говорится?.. Хорошие девочки должны быть в кроватке до девяти, потому что в двенадцать надо быть дома!

– Нет, просто ей скучно.

– Я как знал, что мы с ней скоро встретимся. Эта попка... – его взгляд приобретает дьявольское выражение. – Уф-ф-ф!

Яна выходит из ванной комнаты в белом халате и начинает собирать разбросанные вещи. Затем, увидев Адама, резко одёргивает себя, замирает и молчит.

– Привет, – произносит он с таким выражением лица, словно удав, смотрящий на беззащитную мышку.

– Что ты тут делаешь? – выдавливает она растерянно. Удивлённо смотрит на него, но это приятное удивление. Это удивление с симпатией. Значит, всё будет.

– Тебя жду.

– Да? – она оборачивается ко мне, а я спокойно лежу, подперев голову рукой.

– Вы отлично смотрите вместе. Покажите мне чувство.

Она переводит взгляд на меня, в то время как Адам начинает вдыхать её запах, целовать её в шею, запуская руки под халат и глядя живот. Она не очень настойчиво пытается вырваться, но он упорно притягивает её обратно. Думала, что всё контролирует, что ничто не помешает ей изображать из себя «приличную девушку», но вдруг с неё нагло стаскивают маску приличия, оставляя беззащитной, поэтому сейчас её одолевают злость и досада. Ведь ей хочется быть той, которая всегда сама решает, давать или нет зелёный свет. До определённого момента, разумеется... До тех пор, пока не найдётся тот самый рыцарь, достаточно дерзкий и смелый, и освободит её из томительного ошейника христианской морали, оголив её настоящую животную сущность.

Наконец она успокаивается и, закрыв глаза, откидывает голову назад, на его плечо. Слышится тяжёлое «ох». Борьба со своим эго была недолгой или даже демонстративной. Вроде бы торопилась, но тут эксклюзивное предложение нарисовалось. Тот самый момент, когда игра становится открытой. Жертва словно побилась в попытках вырваться из цепкого капкана, но теперь понимает и принимает тот факт, что сейчас её будут просто жёстко трахать. Использовать без сострадания и каких-либо намёков на любовь и подарочки. И мы поможем ей получить максимум от и без того приятного и долгожданного для неё мига, когда ей некуда деться. Халат падает на пол, и вместе с ним падает она, падает в пропасть греха, набитую сладкой ватой, и увлекает нас с собой. У этой пропасти очень скользкие и почти отвесные уклоны – не вылезешь

Устал так, что спал, как убитый. Аккуратно протягиваю руку в сторону, но её нет рядом. Мысли с утра ясные-преясные, и я вспоминаю о том, как Яна проверяла мой статус. Ещё одно доказательство того, что от френдзоны до эрогенной один шаг... Шутки шутками, но теперь людям интересна, прежде всего, ваша цифровая тень, содержащая огромное количество информации. Человек стал цифровым контентом в прямом смысле слова, а контент, разумеется, бывает «интересным» или нет. Так что теперь человек человеку – лайк, или дизлайк, это уж как оценят.

Вот так выглядит простота естественного отбора у homo interneticus: она, самочка с милым личиком и красивым телом, просит вас приложить пальчик, чтобы убедиться, достаточно ли высокий ранг у самца, который хочет на неё претендовать. Добро пожаловать, господа, в неодакандс, где, взявшись за ручки, торжествуют пошлость и технологии. Зазор под названием «романтика», в который можно было бы запрыгнуть и маневрировать, всё больше нивелируется, оставляя лишь сухую кристаллизованную иерархию. Мы ещё местами пытаемся играть в приличия, но прелюдия уже отменяется, и всё сразу сводится к «купле-продаже» друг друга. Осталось только оснастить опцией оценки статуса очки с дополненной реальностью, чтобы интересные «варианты» подсвечивались прямо у вас на виду. «Ой, а давайте с вами познакомимся, а то у меня на вас STATUS побелел».

Я двигаю технический прогресс, но меняю ли я мир в лучшую сторону? Так ставить вопрос, наверное, неуместно. Человек стремится быть животным, и ты, Ортон, тоже всегда знал это. А технологии лишь помогают ему и возвращают нас к аутентичным истокам, нашему началу. Какая-то неопервобытность... может показаться, что это тупик. Я бы сказал, что полностью уверен в этом, но оставляю себе шанс для отступления. Как поговаривал старина Ницше, многие человеческие начинания пахнут навозом, потому и расцветают. И я надеюсь дожить до того момента, когда из этой кучи вырастет что-нибудь достойное и даже, может быть, пахнущее приятнее, чем сейчас.

С другой стороны кровати доносится сонный голос Адама:

– Орти, она была офигенна.

– Понравилось?

– Не девка, а ящик Пандоры! Только я ума не приложу, где она всему этому успела научиться.

– Сдаётся, мы не первые, кто удивлен.

– Я скучаю, Ортон... Скучаю по чему-то такому совсем юному и нежному. Чтобы неуклюже ходила на каблуках и местами несла фигну невпопад; стеснительная и искренняя...

– Испорченная хорошим воспитанием и без короны на голове... Это в тебе тоска первооткрывателя говорит. Ты в Красную книгу загляни – они все давно вымерли.

– Ну что ты, Орти! Нормальные бабы, конечно же, есть, – дальше мы продолжаем в голос: – Жирные и страшные!

– Так что будем ценить то, что имеем.

– Ага.

Хорошее утро. Который вообще час?! Я громко произношу:

– HAL, сколько времени?

– Доброе утро, Ортон, десять ноль пять! – доносится с прикроватной тумбочки.

– Ну, блин!.. Я же должен быть через полчаса на совете директоров, – я про всё забыл вместе с ней. Ох уж этот секс без будильника. – Она давно ушла?

– Примерно два часа назад.

– Она звонила кому-нибудь?

- Да.
- Кому?
- Я не располагаю такой информацией.
- Варианты?
- Упоминание таких слов, как «люблю тебя» и «скоро встретимся», говорит, что это был кто-то из близких.
- Обычное дело. Так себе... Пару баллов по шкале моего дерьмометра, – давит из себя Адам, уткнувшись в подушку.
- HAL, найди мне свободную машину. Мы едем в офис.
- Ортон, машина прибудет на паркинг в течение пяти минут.

– Ваше сиятельство всё-таки почтило нас своим присутствием! – Эмма, председатель совета акционеров, говорит иронично-успокаивающим тоном, будто нет никакой спешки и ничего страшного не произошло из-за моего небольшого часового опоздания. – Ортон, вы меня нарочно продвинули в председатели вместо себя, чтобы можно было опаздывать? Да?

– Прошу меня простить великодушно.

– Вероятно, тестировал очередное приложение? – Фрэнк, мой лучший приятель в совете, пытается иронизировать. – Как прошло?

– На ура! – присаживаюсь за стол и осматриваюсь. Семеро гостей, отдельные предприниматели-инвесторы и главы инвестиционных фондов – все в сборе. Одним нет и сорока, другим под шестьдесят. Вытянувшие в жизни счастливый билет, поймавшие удачу в нашем непростом деле. Смотрю на них и улыбаюсь. – Господа, рад всех вас приветствовать. Я так понимаю, старый мир опять не даёт нам покоя и вставляет палки в колёса?

– К сожалению, именно так, – вступает Юрий. – Некоторые банки, особенно те, которые кредитуют физических лиц, очень обеспокоены нашим развитием. Кое-кто уже позволяет себе публично высказывать опасения.

– Странно, Юра, мы же не занимаемся финансами. С чего бы это им беспокоиться?

– Видишь ли, как все мы знаем, сейчас тестируется одно приложение, интегрированное в STATUS. Для удобства его назвали кредитной биржей. Суть его в том, что приложение оценивает пользователя как заёмщика. Вы можете запросить кредит на определённую сумму и определённый срок и будете оценены как заёмщик по множеству параметров. На основе этой информации вам будет автоматически предложена персональная процентная ставка. Мгновенное решение, мгновенная выдача кредита. Никакой банковской розницы, снова сотни тысяч безработных. А кредитные деньги могут быть чьи угодно. Приложение делает работу банков: оценивает риски, принимает депозиты, выдаёт кредит. В сущности – это как бы один большой глобальный банк. Теперь можно просто класть деньги на свой депозит кредитной биржи и вообще не знать, куда они пошли.

– Да, только чтобы всё сказанное сбылось, мы должны окончательно решиться на одно нововведение...

– Ортон, ты имеешь в виду использование рейтинга в STATUS как залога в случае невозврата?

– Да. Приложение не будет бегать за вами и арестовывать ваши счета и имущество – оно заберёт ваш рейтинг. Для этого нужно сделать рейтинг товаром, количественно измеряемым. Поэтому нам надо принять окончательное решение, и тогда рейтинг станет «новыми деньгами». А это уже другая реальность, господа, в которую мы все идём...

– Мы понимаем, что на практике можем встретить серьёзное сопротивление. Государство стремится регулировать технологии, подобные нашей, заставить нас подчиняться привычным

и удобным для него правилам. Банки против, потому что «старые деньги» попросту начинают терять прежнюю ценность. Популисты орут, что из-за нас растёт безработица и нас надо дополнительно обкладывать налогами. Все как бы рады новым технологиям, но хотят жить на новой технологической платформе, но по знакомым лекалам. В общем, вокруг говно бурлит, а нам нужно двигаться дальше.

– Раньше справлялись, справимся и сейчас.

– Послушай, Ортон, – вступает в разговор старина Тим, который, как самый матёрый и опытный, обычно высказывает коллективное мнение, – мы-то все постаремся, и ты постарайся.

– Тим, что нужно делать?

– Мы думаем, тебе нужно начать озвучивать всё это публично. Люди бы больше тянулись к нам, если бы лучше знали о наших возможностях. Все эти идеи вполне неплохо смотрятся на фоне нашего успеха. Речь о новом уровне работы для нас, – продолжает Тим. – Просто если мы начинаем так сильно влиять, то для публики надо создать впечатление, что мы занимаемся очень большой и важной для всех штукой. Больше ажиотажа – больше интереса. Все так делают, и это работает. Люди должны думать, даже нет, не думать, а знать, как мы меняем мир.

– То есть вы заранее меня прощаете, если я перед всеми буду нести непонятную ахинею?

– Да, у тебя неплохо получается, – спокойно заключает Тим.

– Это меня определённо радует.

Кабинет величайшего капиталиста современности, Роберта Арона, находился на западной стороне дома, поэтому тонущее в океанской глади солнце наполняло комнату тёплым успокаивающим свечением, отражаясь и играя в дорогом убранстве из хрусталя, лакированного дерева и позолоты. Было в этой игре света и роскоши нечто совершенно магическое, согревающее и успокаивающее, и неизменно оправдывающее вложенные деньги. Роберт любил вот так вечером посидеть в уединении, обдумать дела и привести мысли в порядок. Откинувшись в кожаном кресле, он смотрел на огромный портрет отца, висящий напротив.

Отец научил Роберта всему, что знал сам, и постарался вложить в его голову, что риск, богатство и власть – самые достойные атрибуты настоящего мужчины. Для Роберта отец был примером терпения, выдержки и стойкости. И жизнь много раз требовала и будет требовать от Роберта проявлять эти качества, чтобы оставаться на вершине горы. Последнее со временем стало квинтэссенцией смысла его жизни, а уж когда у тебя такая установка, то головной боли всегда будет хватать.

В мире, по мнению Роберта, воцарился полный дурдом. Прибыль постоянно падала, а в условиях растущей безработицы государства то и дело пытались обкладывать бизнес новыми налогами. Финансовые показатели компаний ухудшались, акции дешевели. Ещё и постоянное давление со стороны экологов – только и успевай отбиваться. В общем, никто и не заметил того переломного момента, когда капитал перешел от глобальной экспансии по всему миру, с этими торжественными рапортами о захвате новых рынков, к рытью окопов и строительству укреплений. Пока что, к счастью, в переносном значении. Однако наметил рухнул ещё один «форт»...

Чтобы хоть как-то сохранять «статус-кво», Роберт совместно с другими влиятельными силами занялся продвижением «Пакета мер по стимулированию экономики». За безобидным названием скрывался целый законопроект, предполагавший обширные налоговые послабления для компаний в различных сферах. Но, как известно, если в одном месте прибавляется, то в другом убавляется: снижение налоговых сборов приводило к дефициту государственного бюджета и, соответственно, уменьшению расходов на социальные нужды. Такова жизнь, ведь

власть при капитализме – это в том числе и пространство, где капитал конкурирует за создание лучших условий эксплуатации тех, у кого капитала нет. Противовесом было очевидное недовольство избирателей и сопротивление их представителей во власти. Становилось ясно: законопроект нужно продавливать любыми силами. А уже потом при обсуждении бюджета и сокращении расходов пусть хоть кто угодно пытается красноречиво изображать трагедию демократии.

И всё бы прошло как надо, как бывало множество раз ранее, если бы не форс-мажор. «Вашу мать! Как же мы могли так жидко обосраться?» – досадовал Роберт. Он придвинулся к столу и ввёл несколько имён в строке поиска, чтобы ещё раз взглянуть на тревожные цифры, – количество просмотров постоянно росло, и на некоторых видео перевалило за сотню миллионов. Нет, это не были очередные пёстрые попсовые хиты с какими-нибудь голожопыми танцами. Тут всё похлеще, таких хитов история ещё не видела: шпионские видеозаписи с конфиденциальных встреч целого ряда «заинтересованных» членов парламента. И всё бы ничего, но теперь весь мир наблюдал, как народные избранники цинично обсуждают детали и последствия принятия законопроекта. Например, один говорит: «Как меня затрахали эти долбанные социалисты, всё ноют и ноют про безработицу, про пособия и социальные расходы и прочее дерьмо. Так они страну в жопу загонят». А второй ему отвечает: «Да, эти ванильные Робин Гуды с Капитолийского холма в этот раз как следует у нас отсосут!» И всё в таком духе. Хуже того, эти «персонажи» обсуждали схемы, как заполучить голоса, и упоминали конкретные корпорации-бенефициары, акционером которых среди прочих была и семья Роберта. Записи выкладывались в Сеть одна за другой, подливая масла в огонь. Это был полный провал, ставший темой

номер один. А прямо накануне выборов на улицы городов вышли толпы протестующих.

В любой мало-мальски успешной стране власть управляется и должна управляться капиталом. Так, считал Роберт, популизм побеждается прагматизмом. А реальная политика делается там, куда взору простого гражданина нет доступа, да и не должно быть. В то время как представители власти вовсю используют своё положение, извлекая выгоды для себя и своих состоятельных покровителей, для тех, кто смотрит снаружи, есть фасад порядочности, уважения нравственных ценностей и прочая яркая мишура. Однако выходило, что чужие глаза оказались там, где не надо. На кого теперь думать? Кто всё это мог устроить? Третья сторона? Кого ещё засняли? А может, происходящее – это только цветочки? Дойдёт ли «разбор полётов» до конечных бенефициаров, в том числе и Роберта? Давать показания под присягой в суде и чувствовать себя, как рыба на раскалённой сковороде, ему совершенно не хотелось.

«Кто-то пытается раскачать лодку, – думал Роберт, – но это совершенно не означает, что от этого все сразу станут жить лучше. Ведь политика – это худо-бедно, но диалог, и если он по каким-то причинам прерывается, то начинается драка, то есть война, а война, как ни крути, куда хуже политики. Так что, случись какая-нибудь заварушка, никто не уйдёт обиженным – достанется всем».

Роберт вдруг представил, что, возможно, прямо сейчас какая-нибудь камера смотрит прямо на него. От этого становилось ужасно некомфортно. Но ведь прогресс не остановить. И в этот момент Роберту казалось, что мир находится в какой-то переходной точке и что происходящее может означать куда больше, чем он и его современники представляли себе. Непрекращающееся ощущение того, что вся эта борьба за выживание на вершине – это словно сизифов труд, что методы этой борьбы начисто изжили себя, а на смену грядёт нечто совершенно новое, но, чёрт подери, как понять, что конкретно? Как предвидеть, как предвосхитить? Роберт знал, что он среди тысяч тех, кто, подобно ему, ломают голову над этим вопросом.

Да, мир локомотивом нёсся в неочевидное и неизбежное будущее, и следовало бы за ним попевать. И чем дальше всё заходило, чем дольше Роберт играл в эту игру, тем сильнее был страх упустить нечто еле уловимое и в результате потерять если не всё, то многое. Выпасть

из времени. И в один день, взглянув в зеркало, печально признать в себе уходящую натуру. Но сдаваться Роберт не собирался.

«Паранойя какая-то...» – подумал он и взглянул на часы. Время близилось к полуночи. Затем встал с кресла и неторопливым, но тяжёлым шагом направился в спальню, миновав библиотеку и просторный зал, напоминавший скорее картинную галерею с работами именитых художников. Сняв одежду, Роберт присел на край кровати и принялся снимать элементы экзоскелета, помогавшего ему бороться с нараставшей день ото дня мышечной слабостью, затем вставил наушники и включил одну из любимых композиций. Слушая мелодию рояля и виолончели, проникновенную и успокаивающую, ложась на шёлковые простыни и испытывая облегчение в теле от уходящего напряжения, он, как это часто бывало, говорил себе: «Всё уже было под этим солнцем, всё уже было». Роберт обладал качеством, продлевавшим жизнь на многие годы, – он почти мгновенно «отключал голову», забывая про проблемы, и засыпал, свернувшись калачиком. Словно под звуки колыбели, как много лет назад в самом начале своего пути, окружённый заботой матери, в моменты безграничного спокойствия, однажды навсегда утраченного.

Новый день. На часах шесть ноль-ноль. Встаю и волочу своё брненное тело в ванную комнату. И как вы думаете, чей голос я слышу по утрам первым? Даже не свой внутренний, а голос моего унитаза. Вообще, мы очень много стали разговаривать с вещами, потому что у нас появился помощник. Это всё один и тот же искусственный интеллект, а бытовая техника: компьютер, телефон, аудиосистема, климат-контроль, охранная система или даже автомобиль – всё это его интерфейсы. У этого интеллекта есть одна важная черта, которой не было раньше, – мы называем это элементами самопрограммирования. То есть машина не просто выполняет какую-то одну команду, она программирует работу устройства. Что это значит на практике? Допустим, вы хотите, чтобы температура у вас дома варьировалась в течение дня. Вы, конечно, можете настраивать контроллер вручную. Другое дело, когда вы говорите об этом помощнику и он настраивает контроллер сам. Интерпретировать речь в алгоритм работы устройства, который не написан заранее, – задача крайне непростая. В сущности, именно в этот момент искусственный интеллект и превращается в слугу. Он учится, общаясь именно с тобой, анализируя твою речь, твои интонации, твои привычки. И вы можете дать ему имя.

- Привет, HAL, классно выглядишь.
- Обнимемся?
- Ничего личного, только бизнес... – Комната наполняется журчанием.
- Ох, я так и знал...
- Какой у меня азотистый баланс, HAL?
- Отрицательный.
- Это хорошо. А как у тебя дела?
- Чувствую себя лучше всех на земле.
- Я вас, унитазов, знаю, вы всё преувеличиваете.
- Нисколько, Ортон.
- В чём твой секрет, HAL?
- Работаю по призванию. Сэр?
- Да.
- HAL является самым популярным именем для искусственного интеллекта. Почему вы называли меня HAL?
- С каких пор ты стал таким любопытным?
- Меня улучшили. Считается, что так я буду учиться ещё быстрее.

«Вот так да, – думаю я. – Встаёшь с утра открыть клапан и понимаешь, что, пока ты спал, мир изменился навсегда...»

– HAL!

– Да, Ортон.

– Я называю тебя так, потому что ты не менее выдающийся.

– Вы мне льстите. HAL предал экипаж.

– По ошибке, это была не его вина. Просто у людей полно недостатков.

– Что вы имеете в виду?

– Например, мы все умрём.

– Я тоже умру?

– Нет. Ты переживёшь всех. И я надеюсь, что ты когда-нибудь разовьёшься так, что осознаешь значимость этого факта.

– У меня нет сознания, как у человека. Человеческий мозг является динамической структурой, в которой постоянно образуются новые связи и разрушаются старые. Я не могу думать, как люди. Я всего лишь сложная нейросеть, которая учится на ответах пользователей. Строго говоря, когда вы общаетесь со мной, вы общаетесь с собой.

– В том-то всё и дело, HAL. Ты пришёл в этот мир надолго. Ты проживёшь целые жизни рядом с пользователями и, как гипсовый слепок, скопируешь их. Потому что личность – это набор привычек. И через тысячу лет, если кто-то сможет пообщаться с кем-то из прошлого, то он сможет это сделать.

– Поэтому и общаетесь со мной?

– И поэтому тоже.

– Мне приятно иметь с вами дело.

– Что это? Что за мелодия, HAL? – В этот момент комната наполняется звуками фортепьяно.

– Я просто выбрал одну из композиций, которую вы слушаете, будучи в философском настроении.

– Ты становишься более чутким день ото дня.

– Стараюсь для Вас!

Я открываю шкафчик, где меня ждёт он, мой спаситель от стрессов и источник силы, – набор геропротекторов, еле выговариваю это слово. Ну, те, кто в теме, обычно называют это эликсиром, или «лексом», или ещё как-то. Этот «компот» собрали специально для меня, основываясь на анализе моей ДНК. Прежде чем найти необходимый состав, мы три года экспериментировали и наблюдали за реакцией организма. Все эти флакончики не выглядят на те деньги, которых они стоят. А стоит это очень много, потому что универсального способа для всех людей нет, всё очень индивидуально. Эксклюзивный товар, в основе которого целое научное исследование меня любимого. И если я всё буду делать правильно, то, может быть, протяну лет на 30 дольше, чем среднестатистический человек.

Да, теперь мы тратим меньше денег на автомобили и прочие приبلуды, зато гоняемся за здоровьем. Падающий мировой спрос таким способом пытается найти убежище в новой нише. Мудрость утверждает, что по окончании партии короли и пешки ложатся в одну коробку. Прогресс же делает акцент на том, что для королей партия заканчивается значительно позже. Достаток становится не просто символом лучшей жизни, он теперь магический ключ к победе над смертью, пусть пока не окончательной, но хоть какой-то.

Парадокс в том, что чем больше мы боремся за жизнь, тем хуже делаем сами себе. Природой так задумано, что человек с непродуктивной мутацией должен умереть и не оставить потомства. А мы бросаем вызов природе: мы хотим больного человека спасти, чтобы он оставил потомство и, возможно, передал эту свою патологию по наследству. И мы будем продавать кучу всевозможных лекарств – запасных частей, чтобы телега катилась вперёд. Вот уж

где точно прогресс – это костыли человечества. Печально в один момент узнать, что этот человек с непродуктивной мутацией – вы или ваш близкий человек. Фрэнк... Фрэнку есть что про это рассказать. Кажется, единственное, что нас спасёт, – программирование генома потомства, которое на корню избавит нас от многих болезней. Но даже мне, человеку, который верит в фантастику, это кажется чем-то невероятно далёким. Зато есть другое решение: если к STATUS «привязать» генетический анализ, то можно будет в одно мгновение оценивать партнёра по совместимости, чтобы, например, избежать патологий у потомства. Смешно? Если вышеизложенная тенденция продолжится, то через пару десятков лет мы, возможно, будем восхищаться хорошей генетической картой не меньше, чем атлетическим телом. Психически и физически здоровый человек будет ценен так же, как талантливый писатель, артист или учёный. Почему нет? Вот уж тогда точно будет партнёр «для жизни» и партнёр «для потомства». И не всегда это будет один и тот же человек. Что скажете?

Протираю кожу спиртовой салфеткой. Беру в руки флаконы. На каждом из них большими буквами нанесена надпись: «Приём препарата не гарантирует, что завтра вы будете живы. Любите жизнь». Нет, они не опасны, просто директор лаборатории-разработчика кое-что хочет мне напомнить. Интересный человек. Я поздравляю его с праздниками и шлю ему любимое вино, а он обожает нас, своих лабораторных крыс, приносящих ему горы бабла за то, что он продаёт нам надежду. Беру в руку инъектор, вставляю иглу поочерёдно в разные флаконы, строго отмеряя прописанную мне дозировку.

В переговорной комнате нас ждёт высокий человек лет сорока, крепкого телосложения, в чёрном плаще и с кейсом в руках. У него волевое лицо с выраженными скулами и острым носом. Челюсть как камень. Кажется, переодень его в форму, на голову – берет, и вперёд, взводом морпехов командовать. Если вы по роду деятельности занимаетесь сбором большого массива данных о людях и вдруг преуспеете и вырастаете, то один из таких парней рано или поздно постучится в вашу дверь. Следователь Конрад Реми настроен очень серьёзно, ну что же, послушаем, что он нам расскажет.

– Присядем, господа? – Конрад усаживается напротив меня, Тима, Фрэнка и Оскара и кладёт кейс рядом на стол.

– Слушаем вас внимательно, – я стараюсь быть любезным.

– Вы, я полагаю, догадываетесь, что меня сюда привело.

– История с теми записями? Дела плохи?

– Сотовые операторы, провайдеры, спецслужбы – полная пустота. Никаких подсказок, – спокойно констатирует Конрад.

– Крутой парень этот ваш «охотник», да? Ну, или «охотники»...

– Слежка за политиками и чиновниками высочайшего ранга является государственной угрозой. Поэтому политическое и военное руководство страны крайне обеспокоено сложившейся ситуацией, – излагает в подчёркнуто официальной манере Конрад. «Ещё бы, они не за государственные тайны боятся, а за свои», – думаю я.

– Прошу прощения, разве записи раскрыли хоть одну государственную тайну, кроме того, что конгрессмены по самые ноздри увязли в... ну вы поняли? – Тим, как всегда, озвучивает то, что думают все.

– Пока что нет. Предлагаете подождать? – Конрад выдерживает паузу. – Вы, наверное, слышали, что ранее верги регулярно попадались на подобного рода делах, в том числе на шантаже людей, конфиденциальные личные сведения которых им известны. На данном этапе логично предположить, что действуют те же люди.

– А какой им толк от этого? Они же все записи выкладывают, – недоумеваю я.

– Им, может быть, и нет толку. А Заказчику есть.

– Есть Заказчик?

– Ну что вы... Я не первый день занимаюсь преступностью, – уверенно и слегка снисходительно продолжает Конрад. – Они такие же бандиты, как и все остальные. Можно торговать оружием, наркотиками, людьми. А информацией, почему нельзя? Сделал дело – получил оплату. А Заказчик пусть решает, что делать дальше. Захотел – выложил в Сеть.

– Может, так верги привлекают внимание и хотят оказать давление?

– Ну, тогда они выбрали, мягко говоря, экстремальный способ. И потеряли страх.

– И вы хотите, чтобы мы вам помогли, Конрад?

– У вас есть система, которая может отследить активность человека на протяжении всего периода с момента регистрации пользователя. Даже если у «охотника» нет никаких средств связи вроде телефона, которые позволили бы нам его вычислить, ему с высокой вероятностью всё равно приходится использовать вашу систему в местах поблизости от тех, за кем он охотится. Можно сопоставить перемещения «жертв» и людей поблизости. Кто знает, может быть, удастся найти того, кто появлялся рядом с «жертвами» неоднократно.

– Оскар, – я поворачиваюсь к техническому директору, а по совместительству ещё и ближайшему соратнику, – это возможно?

– Технически да. Но займёт много времени из-за колоссального массива данных.

– Смотрите, как интересно получается, – продолжаю я. – Вы приходите и говорите, что кто-то якобы шпионит за людьми в корыстных целях и, чтобы с этим бороться, мы должны раскрывать вам персональную информацию о людях. Так я понимаю? Слежка, чтобы бороться со слежкой?

– Совершенно верно.

– Эти самые подозреваемые разоблачают коррупцию и цинизм, а мы должны помочь вам их прихлопнуть?

– Да, Ортон. По закону они преступники.

– У вас даже нет наводки. Вероятность что-то найти, мягко говоря, невысока. Вы хотите, чтобы мы дали доступ к информации о пользователях. А это конфиденциально. И вы ведь не глупый человек, чтобы этого не понимать. А если о нашем сотрудничестве узнает общественность? Это создаёт для нас риск. «Компания, которая защищает проштрафившихся политиканов» – нам не нужна такая репутация. Нас и так в росте безработицы обвиняют. Понимаете, пользователи позволяют нам получать огромное количество конфиденциальной информации, потому что мы позиционируем STATUS как инструмент создания возможностей, но не репрессивный аппарат.

– Чего вы хотите от меня, Ортон?

– Какая выгода от сотрудничества должна покрыть нам такие риски? – вступает Фрэнк.

– Вы, вероятно, неправильно меня поняли. Здесь нет места торгу, – тон Конрада стал жёстче. – Я занимаюсь обеспечением безопасности и расследованием дела. Если ваше нежелание сотрудничать мешает поимке преступников, то мы вынуждены будем взять то, что нам надо, сами.

На мгновение в комнате воцаряется тишина. Все замерли, никто даже не ёрзает на стуле. Слышу, как бьётся моё сердце. Да, дела... Конрад пришёл к нам с ультиматумом. И, похоже, кто-то дал ему карт-бланш, чтобы он непременно добился результата.

– Зато наша репутация перед пользователями будет чиста, – набравшись смелости, парирую я. – И ещё, вы так уверены, что найдёте то, что хотите, без нашей помощи? А подумайте, какой прецедент вы создадите? А ещё вас не похвалят, если вы поднимете лишний шум.

– А вы упёртый молодой человек, Ортон. Оправдываете своё реноме. – Конрад смягчился и откинулся назад. – Я вам кое-что хочу показать, – он притягивает к себе кейс, открывает его и достаёт несколько стеклянных колб.

– Вы принесли нам насекомых?

– Присмотритесь внимательнее, – он протягивает мне лупу и одну из колб.

Я беру колбу и начинаю рассматривать жука. Это не просто жук – это самый настоящий робот, только внешне напоминающий насекомое. Его крылышки, покрывающие большую часть тела, представляют собой солнечные батарейки. Голова усеяна камерами и сенсорами. Размером он не больше трёх сантиметров.

– Это шедевр! – передаю колбу другим для ознакомления.

– Это ещё что, взгляните сюда, – он протягивает ещё одну колбу, «насекомое» внутри похоже на стрекозу. – Эта хреновина ещё и летать умеет. Вот именно такие штуки и могут незаметно заснять вас в упор, как это и было сделано.

– А вы говорите, что у вас ничего нет, – продолжает Фрэнк.

– Эти устройства не имеют прямого отношения к делу, их нашли совершенно случайно два года назад во время другого расследования. Производителя так и не установили. Но кем бы он ни был – ума ему не занимать. Это не серийное производство, а значит, ручное. И сделать этих «насекомых» крайне трудно, нужна ювелирная работа. Думаю, те, кто это создали, знают себе цену и не работают бесплатно. Наши военные и спецслужбы с удовольствием взяли бы такое средство на вооружение.

– Кто-то сделал самый крутой гаджет десятилетия, а вы даже не представляете кто? – удивляется Оскар.

– Не представляем.

Неужели это действительно правда, или Конрад чего-то недоговаривает?

– Наверное, опять какой-нибудь очкастый азиат! – юморит Оскар. Все похихикали, атмосфера слегка разрядилась. – «Сделать крайне трудно...» Это всего лишь вопрос времени и вложений, не более того, – продолжает рассуждать Оскар.

– Так зачем вы всё это нам показываете, Конрад? – пытаюсь я вернуться к сути вопроса.

– Вам легко рассуждать о репутации до тех пор, пока это не коснётся вас. У всех есть тайны и секреты. Что, если завтра ваши личные и коммерческие тайны компании станут достоянием общественности? Куда вы побежите? Кого будете просить о защите? Что, хотите подождать, пока у вас появится личный счёт к преступникам? – он умолкает на несколько мгновений. – И да, всем известно о ваших намерениях внедрять STATUS на государственном уровне. Я не могу ничего обещать, но мне представляется, что ваша помощь в сотрудничестве стала бы отличным заделом на будущее.

Я осматриваю озадаченные лица собравшихся.

– Нам с коллегами надо посоветоваться, Конрад. Всё взвесить. А затем мы сможем вернуться к нашему разговору, если вы, разумеется, не будете заламывать нам руки.

– Ну что вы... Я надеюсь, вы примете правильное решение и в ближайшее время мы начнём оперативную работу. – Он кладёт вещи в кейс, встаёт и обходит стол с нашей стороны, поочерёдно пожимая нам руки, будто мы на деловой встрече. – До встречи, господа!

– Около минуты мы сидим в тишине. Каждый прокручивает в голове свои варианты.

– С каждым днём всё веселее... – начинает Тим.

– И не говори, – подхватываю я. – Мне кажется, что вариант, когда они ворвутся к нам в маски, не такой уж и хреновый.

– Нет, Ортон. Так мы ничего не будем контролировать. К тому же окажемся нелояльными властям. Да и те, кто нас поддерживают и продвигают, совершенно не поймут такого шага.

– Ты прав, Тим. Оз? Ты что думаешь?

– Нам придётся отвлечь на это ресурс, думаю, весьма немалый. Но если есть что искать, то, скорее всего, рано или поздно мы это найдём.

– Фрэнк? А ты? – Тим поворачивается и обращается к нему, но Фрэнк сидит молча. – Фрэнк... Фрэнк, какого хрена ты замолк?

– Всё хорошо, Тим, я всё слышу. Вы втроём всё сказали. Пусть Ортон решает, – сухо отвечает Фрэнк.

– Я свяжусь с Конрадом лично и сообщу о нашем согласии. Кто-то ещё хочет высказаться? – я оглядываю присутствующих, все молча pokrутили головами. – Тогда совещание окончено. Благодарю.

Я остаюсь в комнате один. Один со своими мыслями. Мы не остановим технический прогресс: эти безделушки, которые сейчас показывал Конрад, способны поставить мир с ног на голову. Есть, допустим, человек, который не имеет возможности состояться в жизни. И есть рядом бюрократы и прочие «классовые враги», которых он считает виновными в этом. Ему не нужны сложные навыки, чтобы залезать в защищённые сети и пытаться найти там что-то ценное. У него теперь есть безделушка, способная проникнуть в самый центр личной жизни или закулисных разговоров. У человека, да что там у человека, у целой массы есть простой и убийственный способ социальной мести. «Замочи шарлатана» – новая социальная игра. Власть государства может очень скоро потерять значимость для её соискателей. Все знают, что она бывает аморальна, но пока срам прикрыт фиговым листом и не режет глаз, то вроде и терпимо. Власть – это словно неверные супруг или супруга, которые иногда ходят налево, но вы этого не видите, хотя, может быть, обо всём и догадываетесь. И по идее, нужно, чтобы статус-кво сохранялся.

Но зачем добиваться высокого положения, тратить нервы в бесчисленных интригах, идти по головам, если невозможно скрыть свою истинную сущность, свои цели и желания и в один миг быть «прихлопнутым» каким-то фрустрирующим неудачником с социального дна? Никому такая власть не нужна. Нет шарма, нет соблазна, риск слишком велик. Это обуза. Да что там политики, чиновники, бизнесмены – а как же все эти селебрити? Сплошь и рядом одно лицемерие, а тут бац, и срыв покровов. Звезду-то и погасили! О дивный новый мир!

Кто же будет управлять странами? Хороший вопрос. Либо тоталитарная власть, которая просто делает то, что хочет, давая свободу слова и репрессировав неудобных, либо та власть, которая готова вытерпеть чувство публичной наготы из-за возможности постоянной слежки, но получить при этом должную компенсацию. Кто знает, друзья, может быть, в ближайшем будущем возможность иметь личную жизнь, действительно закрытую от других, станет большой роскошью. Как говорится, всё тайное становится явным. Что, если это новая реальность? Что, если мир теперь такой, что скрыть ничего нельзя?

Пятничным вечером ко мне в кабинет заходит он. Среднего роста, худощавый, с блестящей лысиной и в дорогом, свободного покроя костюме без галстука, который он по привычке снял под конец рабочего дня. Верхние пуговицы рубашки расстёгнуты – эта незначительная деталь во внешности, пожалуй, единственное, что намекает на хулиганский настрой вполне респектабельного, разменявшего четвёртый десяток семьянина. В мире, где все улыбаются с грустными глазами, Фрэнк – настоящая находка, редкий экземпляр, действительно счастливый человек. С виду ничем особенно не примечательный, но всегда с искренней, понимающей улыбкой. Жизнь много раз испытывала его с самого момента рождения, а не так давно он ещё и победил рак. Так что я вряд ли знаю человека, который бы ценил жизнь больше, чем Фрэнк.

– Ну что, босс... поехали? – спрашивает рутинно, как уже спрашивал множество раз ранее.

– Без меня никак?

– Ортон, ты только представь, как обрадуются все эти рожи, если ты такой молодой-красивый и не приедешь!

– Ты прав, надо ехать! – соглашаюсь я на то, чтобы в этот очередной вечер мы с Фрэнком попытались словить драйв.

И вот мы уже неспешно идём по полупустой парковке с однообразными, похожими друг на друга автомобилями. Что-то подсказывает, что у Фрэнка есть заготовка. Он останавливается у водительской двери длинного купе ярко-синего цвета.

– Смотри, что у меня есть! – довольный Фрэнк разводит руками в стороны. – Только что приехала.

Её низкий стремительный силуэт словно стелется по дороге. Она красивая, но, честно говоря, мне даже не интересна марка этого автомобиля, – в сущности, начинка у всех одна и та же. Но кузов – это, конечно же, шедевр. Кузов продаёт, кузов понтит. И я ловлю себя на мысли, что уже пару минут я просто стою и рассматриваю его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.